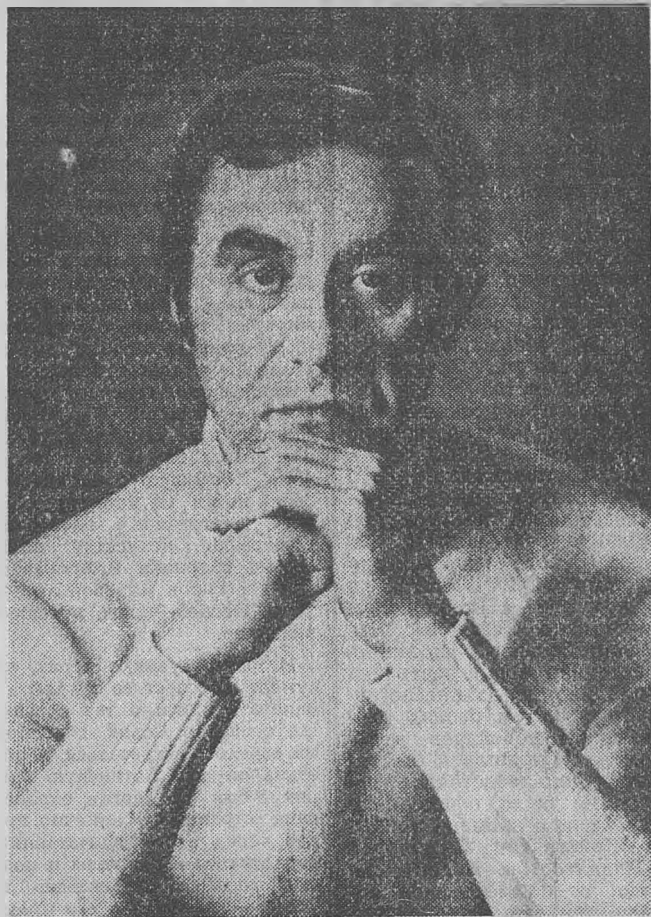

люди искусства

БОЛЬШАЯ ПЕРЕМЕНА

В. ПОТАПОВ

пролетели первые несколько лет профессиональной деятельности. Пролетели незаметно — для него самого, для зрителей. Повторим же опять слова Людмилы Ивановны Касаткиной: «Это очень счастливое стечение обстоятельств, что появился Васильев в ЦАТСА». Нет, не для красного словца — волею какой-то очень большой, человеческой, гражданской логики здесь, в театре на площади Коммуны, суждено было отозваться «Эху брянского леса». Драмой великой старшины Васкова, подвигом Якова Орла в спектакле «Мы — русский народ», беспредельной душевной теплотой начальника однодневного дома отдыха в блокадном Ленинграде из спектакля «Часы без стрелок».

«Творит на сцене актер-человек», — так сказал Алексей Дмитриевич Попов. С такими, не иными мерками вот уже много лет подходим мы к осмыслению искусством темы подвига — ситуации, когда и одного шанса из тысячи не остается для чьего-то спасения, для помощи кому-то, для победы над чем-то. Нам стало очень не безразличным, какой именно человек вычисляет тот тысяча первый шанс...

Есть завидная неторопливость в «военных» героях Анатолия Васильева. Есть основательность, без которой так зыбки иные, казалось бы, бесспорные нравственные установок, пусть даже вытекающие из первоклассного литературного материала. И есть у актера абсолютная убежденность в том, что лишь психологическая достоверность, мужество, если хотите, исполнителя приведут здесь к желанному успеху. Среди мастеров ЦАТСА

есть немало таких, кто сумел повлиять на формирование этой точки зрения молодого актера. Может быть, чаще других называет Васильев Андрея Попова, которого, кстати, и сменил в роли старшины Васкова.

Не убоимся холодноватого расчета театральной и кинематографической ситуации минувших лет. Теперь-то уж ни для кого не секрет, что и в кино быстрая езда хороша с остановками.

Сергей Бондарчук и в былые-то годы не грешил «лихачеством». Вот и не хочется думать, что случайным был его выбор Анатолия Васильева в ту «Стень», что, прямо скажем, так неожиданно, почеховски показалась на наших экранах. Кинематографический успех Васильева состоялся, и состоялась конкретная творческая заявка на себя самого в кино. Не ангельского характера силач Никола Дымов оказался чем-то даже привлекательным в своей тяжелой для окружающих неукротимости, настырной гротесковой бездуховности.

Путевка в жизнь — дело хорошее. Но уж, конечно, едва ли предполагал Бондарчук, как скоро выступит его дебютант в роли конкурента самому мастеру на кинопробах «Отца Сергия». Скажем так: силы оказались неравными. Но она ведь уже началась, кинематографическая судьба Анатолия Васильева. «Близкая даль», «Крик гагары», «Чрезвычайные обстоятельства», «Яблоко на ладони», «Любимая женщина механика Гаврилова» — нет, не все пройдет с плюсовой отметкой. И, не вдаваясь в конкретный анализ каждой ленты, признаемся самим себе: мы, зрители, кое-что вы-

деляли. Отметим мы для себя, что очень надежным режиссерским подспорьем оказался актер в иных кинотрудах, забронировав себе место положительного на все времена (или по крайней мере в глазах окружающих положительного, или, наконец, в своих собственных глазах). Помните: «Где Васильев — там магнитное поле дружельюбия»?

«Бронировал», конечно, не сам. Все мы любим лотерею, в которую не проиграешь. Кинематограф тоже любит. И в экипаже известного «Экипажа» обязательно должно было отыскаться для него местечко. Попробуем представить себе этот лавинообразный фильм без этого единственного персонажа, который умеет любить и дружить, терпеть и страдать. Мудрено.

Да, не вдруг наступает то время, когда сам актер получает возможность определять свою судьбу. Но наступит оно обязательно, если, как Васильев, прямо-таки по-детски уметь возмущаться каждым опозданием коллеги на репетицию или спектакль, годами не использовать свой отпуск в общепринятом смысле этого слова, и если уже сейчас, после первого десятка кинолент, научиться предугадывать, чем обернется очередной фильм.

...Насколько точным, с педантизмом выверенным набором выразительных средств пользуется актер в своих наиболее ярких работах последних лет. «Надежда и опора» — фильм о хлебе, о жизни, о великой ответственности за землю, дорожке которой и не стоит ничего искать. Секретарь сельского райкома Фомин — комиссар этой земли, воин, которому ведомы не одни лишь победные фанфары. Лично я вижу в этом фильме продолжение его же, Васильева, Алексея из «Оптимистической трагедии» в ЦАТСА. Та же любовь, внутренняя вера и чистота, взрывающие самые изощренные потуги замарать святая святых человеческой сути. Каждая из этих ролей — человеческая драма, переживаемая героем сильным, умным и честным. И в каждой победа — героя над самим собой.

Судя по всему, Анатолий Васильев — актер «несговорчивый». Чуть ли не вопреки общему тону спектакля «Комическая фантазия» — о жизни барона Мюнхаузена, — он буквально до гротеска доводит своего экзотического Фельдфебеля, интуитивно чувствуя потребность пьесы Гр. Горина в подчеркнуто театральном, ярком и страстном сценическом эквиваленте. Может смутить и неожиданно лирический, мягкий и трогательный Вэл в пьесе «Орфей спускается в ад» Т. Уильямса. Идет самостоятельный поиск, идет там, где ошутима режиссерская недоговоренность. В отношении его персонажа, во всяком случае...

Перемена, о которой написали много лет назад его однокурсницы по техникуму, оказалась большой. То и дело раздающиеся в ней звонки уже не отмечают ее начало или завершение. Она, эта перемена, теперь означает в его жизни и уроки, и самые главные экзамены. Кто знает, не понимает ли уже всего этого и четырехлетний Филипп — иначе, чего бы так часто всматриваться ему у Покровских ворот в белоснежное здание московского «Современника»?..

● Артист А. Васильев.

Фото В. Плотникова.

Филипп родился уже здесь, у Покровских ворот. И хотя лет еще совсем немного — четыре от роду, — вполне представляет себе, какими пернатыми знамениты Чистые пруды, как хороши и привольны эти старинные московские бульвары, как легко превращаются их тенистые аллеи в велосипедные трекки, а щедрые зимние сугробы в причудливые снежные горки. И еще знает Филипп про белое здание, что стоит по соседству с домом — это театр «Современник». Там работают друзья его родителей Татьяны и Анатолия Васильевых. Когда «Современник» зажигает свои вечерние огни, Филипп провожает на работу папу и маму — в Театр сатиры и Центральный академический театр Советской Армии. Они актеры.

С Васильевым любопытно пройти за кулисами театра. Почти каждый встречный непременно весело подмигнет. Не скупится на шутку и сам Анатолий — потому и говорят в ЦАТСА: где Васильев — там магнитное поле дружельюбия.

А лет двадцать тому назад примерно так же говорили в брянской восьмилетке, где он учился, потом в машиностроительном техникуме, который чуть было не закончил — до защиты диплома оставалось несколько месяцев...

Заводил легкие на подьем компании одноклассников, стал постарше — однокурсников; как-то девочки, традиционно поздравляя Анатолия с днем Советской Армии, срифмовали поздравление таким образом: «Желаем тебе успеха не только на перемене, но и на сцене». В доме у Покровских ворот открытка эта хранится до сих пор.

Он покинул-таки машиностроительный техникум. С совершенно определенной целью. Ради этой цели чуть раньше, «без отрыва от производства», получил аттестат о среднем образовании в школе рабочей молодежи. Родители поддержали тем, что не возражали. Хотя, впрочем, отец дал понять: не возражает последний раз...

Те, кто хоть раз бывал в Брянском драмтеатре, обязательно что-то знают о его спектакле «Эхо брянского леса», который не мог не появиться на сценических подмостках города, овеянного славой партизанских отрядов. Спросил у Анатолия: «Видели?». Оказалось, играл — в массовке, будучи участником самодеятельного кружка при городском Дворце пионеров. «Играл», стало быть, вместе со своим первым театральным наставником, актером драматического театра Михаилом Толлегиным. Потом была Москва.

Перемены продолжались в аудиториях школы-студии МХАТа. Вместе с Анатолием, кстати, на курс Василия Петровича Маркова поступила и его будущая супруга Татьяна Ицкивич.

Анатолий с удовольствием рассказывает о своем Филиппе. В театре об этом знают. И если видят, что не в лучшем настроении пришел Васильев на спектакль (а кто от этого застрахован?) спешат узнать последние новости из жизни Филиппа. Людмила Касаткина, например, так и считает: Филипп — наш партнер. И еще считает, что очень это счастливое стечение обстоятельств, что появился Васильев в ЦАТСА. И для театра счастливое, и для него самого.

Сначала, впрочем, счастье к Васильеву не спешило. Шли переговоры с одним солидным театром, потом с другим — в том другом и